

ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Постановка проблемы

Одним из важнейших условий, позволяющих оценить вероятность стабилизации политической демократии, является отношение к новому режиму со стороны граждан. Критериями такой оценки могут служить развитие в обществе демократической культуры и институционализация форм поведения, соответствующих демократическим процедурам. Демократическая культура предполагает, что поддержка режима не только зависит от эффективности действий политического руководства, но и опирается на легитимность самих демократических процедур [1, р. 258–270; 2, р. 264]. Основная угроза новым режимам, составляющим, по определению С. Хантингтона, «третью волну» демократизации в мире, включая посткоммунистические страны, связана с их низкой эффективностью — экономической прежде всего, но также и административной: низкая легитимность режимов и неэффективность властей взаимно подкрепляют и обуславливают друг друга [3]. С. М. Липсет считает, что общим необходимым условием становления демократии является относительная автономия общества от государства. Применительно к России как досоветского, так и советского периодов, едва ли можно говорить о выполнении требований, вытекающих из этого императива: экономическая система должна быть не только построена на частной собственности, она должна представлять собой свободную и сильную рыночную экономику, в культурной традиции религия и государство не должны тесно переплетаться, необходимо широкое распространение независимых от власти ассоциаций, объединений, групп граждан, т.е. гражданское общество.

Однако сохранение или крушение демократии зависит от общественных условий и диспозиций людей в той мере, в какой они обуславливают политическое поведение, которое может проявляться либо в формах, не несущих непосредственной угрозы режиму (электоральный абсентеизм, поддержка оппозиции или реакция типа «антиистеблишмент» на выборах), либо в акциях, выходящих за рамки демократических процедур, — политическом протесте и насилии, направленных на изменение режима.

Политический протест в России остается недостаточно изученным, интерпретации эмпирических результатов противоречивы, они отражают как слабую методологическую проработку подходов к исследованию данного феномена, так и нередкое отсутствие у исследователей установки на проверку гипотез, вытекающих из теорий, выдвинутых в современной социологии.

Одно из направлений исследований можно назвать «депривационным» подходом. Здесь изучается протестная реакция на экономическую депривацию — паде-

Сафронов Вячеслав Владимирович (р. 1959) — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Адрес: 198052, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Телефон: (812) 316-3436.

ние уровня жизни в целом, или на рост цен, инфляцию, безработицу [4; см. также 5]. Выявляемые детерминации предопределены предположением о связи протеста с депривацией, содержащимся в формулировках вопросов респонденту (особенно в опросах ВЦИОМ) — потенциал протеста выше там, где хуже экономические условия (в малых городах по сравнению со столицами, на периферии по отношению к центру), у обездоленных и противников рыночных реформ, у голосующих за Зюганова. О взаимосвязи динамики депривации и протестного потенциала — снижение первой после шоковой терапии 1992 г., согласно данным ряда московских опросов, сопровождалось уменьшением готовности протестовать, — сообщает А. Кинсбургский [6], правда, изменения готовности к протесту, на которых базируется это утверждение, очень незначительны.

Недостаток таких работ состоит в том, что из области анализа *a priori* исключается наиболее политически активный слой сторонников реформ, протестные действия которых в 1991 г. привели к смене режимов. Можно ли с уверенностью утверждать, что они оказались в рядах политически демобилизованных или добиваются учета своих интересов, используя лишь средства институционализированной демократической политики?

Результаты отдельных исследований заставляют в этом усомниться. Так, наблюдения за митингами и демонстрациями в Москве показали, что реакция на «гайдаровскую терапию» депривированных слоев, организацией которой занимались партии и движения коммунистической или «патриотической» ориентации, была намного скромнее, чем антикоммунистический протест в 1991 г. [7]. Тенденция снижения потенциала протеста (серия опросов в период 1990–1993 гг.) и параллельное возрастание нежелания жителей Ленинграда — Петербурга терпеть лишения [8] говорят, с нашей точки зрения, о связи протеста с поддержкой курса властей на проведение реформ — утрата ими кредита доверия сопровождалась демобилизацией потенциальных активистов.

Эти сомнения подкрепляют эмпирические исследования другого «политического» — направления. Так, было показано, что с конца брежневской эпохи и до настоящего времени негативное отношение к прежнему режиму и поддержку политических и экономических преобразований выражали представители младших поколений, образованного слоя, в ценностных предпочтениях которых приоритетное место занимали либеральные и демократические ориентации [9 — 14], и именно они составляли ряды политических активистов, участвовавших в конвенциональной и протестной политике или готовых прибегнуть к протесту в случае необходимости [15–18]. Основные факторы, повышающие вероятность обращения к протесту, связаны не с депривацией, а с политикой — вовлеченностью в нее [19], приверженностью демократическим ценностям, позитивными аттитюдами к новому режиму.

Одна из методологических проблем, затрудняющих оценку роли протеста в российской политике, — неудовлетворительный подход к анализу репертуара действий: изучаются либо отдельные акции (митинги и демонстрации, как в большинстве опросов ВЦИОМ), либо набор действий, в котором достаточно грубо разделены «мирные» и насильственные формы. Следует подчеркнуть, что ни в том, ни в другом случае не проводится последовательно важнейшее, с нашей точки зрения, разделение репертуара наиболее вероятных протестных форм на действия, которые допускаются при данном режиме, и акции, выходящие за пределы законного.

Таким образом, противоречивость объяснений феномена протеста в российском контексте может быть связана с различием теоретических подходов, на которые явно или латентно ориентируются исследователи, представляющие «депривационное» и «политическое» направления. Не отвергая результатов ни одного, ни другого направления, отметим необходимость проверки относительных объяснительных возможностей как этих концептуальных построений, так и более широкого круга теорий, вокруг которых разворачивались дебаты в современной политической социологии.

В исследовании, результаты которого представлены ниже (Санкт-Петербург, осень 1994 г., репрезентативная по полу, возрасту и образованию выборка взрослого населения города, N = 581 человек)*, предпринята попытка выявить отношение граждан к неконвенциональной политике и потенциал политического протеста, а также проверить предположения о детерминации протестной готовности, вытекающие из основных теорий, обсуждение которых ведется в современной социологии, и, опираясь на выявленные закономерности, определить место протеста в современной российской политике.

Отношение к неконвенциональной политике и потенциал протеста

Теоретическое обоснование и методология измерения политического участия, на которые опирался наш анализ, были разработаны М. Каазе и А. Маршем [20; 21]. Под политическим участием будем понимать поведение граждан, связанное с прямым или опосредованным (институтами) воздействием на процесс принятия политических решений. Конвенциональное политическое поведение строится в соответствии с нормами права или традиции, которые регулируют участие людей в политике при данном режиме. *Неконвенциональное политическое поведение* нарушает эти нормы и выражается в прямом коллективном действии, минуя систему представительства интересов, оставаясь в то же время в рамках закона. *Политический протест* отличается от неконвенционального поведения тем, что эти акции не предусматриваются законами, но и не предполагают обращения к насилию. Наконец, политическое действие, которое нарушает последнее условие, будем относить к *политическому насилию*. Существенное значение имеет предположение о том, что неконвенциональные, протестные и насильственные акции составляют одномерную иерархию.

Репертуар акций, включенных в анализ, был выделен в соответствии с предварительными результатами event-analysis сообщений петербургской прессы о протестных действиях в городе в течение предшествующего проведению опроса года, учитывая частоту обращения к действиям каждого из интересующих нас типов. Неконвенциональные акции включали подписание петиций и законные митинги, демонстрации, забастовки. К протесту отнесены незаконные митинги, демонстрации и забастовки (эмпирическая классификация добавила к этим акциям пикетирование, что связано с отсутствием в формулировке вопроса эксплицитного указания на законность). Перекрытие уличного движения и захват производственных территорий или зданий органов власти, учитывая провоцирующий на репрессии

*Исследование выполнено в рамках проекта «Потенциал протеста в российском обществе: социологическое измерение» (грант РГНФ № 95-06-17445, рук. В. В. Костюшев).

характер таких действий, условно можно отнести к политическому насилию (ориентацию на действия, которые бы в точном смысле соответствовали этой категории, нельзя выявить с помощью опросных методов, по крайней мере в Санкт-Петербурге). Потенциал протеста фиксировался в «мягкой» (потенциал «может быть»), предполагающей меньшую протестную готовность форме, и «жесткой» разновидности (потенциал «безусловно»), свидетельствующей о большей вероятности прибегнуть к протесту. Потенциал «может быть» фиксировался по вариантам ответов: «приходилось делать», «безусловно мог бы сделать», «может быть сделал бы». Потенциал «безусловно» фиксировался по вариантам: «приходилось делать» и «безусловно мог бы сделать». Дополнительные пояснения и результаты анализа представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1. Отношение к протесту: шкала Гуттмана (СПб., осень 1994, N = 581)

АКЦИИ	Одобрение, %
Ни одной	20
Подписание обращений, петиций	5
Участие в митингах или демонстрациях, организованных в соответствии с законом	19
Участие в забастовках, предусмотренных законом	36
Пикетирование зданий органов власти	12
Участие в забастовках, которые проводятся без соблюдения правил, предусмотренных законом	4
Перекрытие уличного движения	1
Участие в митингах или демонстрациях, организованных без соблюдения требований закона	2
Захват производственных территорий или помещений органов власти	2
CR	0,96

Отношение людей к протестной политике и потенциал протеста, как свидетельствуют эти таблицы, могут быть удовлетворительным образом описаны одномерными иерархиями, соответствующими шкалам Гуттмана. Показатель потенциала протеста фиксирует границу, отделяющую репертуар приемлемых для человека прямых коллективных акций воздействия на власти от тех, которые он считает недопустимыми. Протест как средство оказания давления на власти одобряет преобладающее большинство, однако такое одобрение относится только к законным акциям. Потенциал личного участия (с высокой степенью вероятности) в протесте, выражаемый четвертой частью граждан, также распространяется только на ту часть репертуара коллективных действий, которая регламентирована законом.

Таким образом, протестная политика в Санкт-Петербурге не выходит за рамки неконвенционального участия — не нарушает правил политической игры, составляющих определение демократического режима.

Таблица 2. Готовность участвовать в неконвенциональных и протестных акциях: шкалы Гуттмана (СПб., осень 1994)

АКЦИИ	Может быть (N = 570)	Безусло- вно (N = 567)
	%	
Ни одной	30	61
Подписание обращений, петиций	5	7
Участие в митингах или демонстрациях, организованных в соответствии с законом	12	15
Участие в забастовках, предусмотренных законом	28	11
Пикетирование зданий органов власти	7	2
Участие в забастовках, которые проводятся без соблюдения правил, предусмотренных законом	7	1
Перекрытие уличного движения	2	0
Участие в митингах или демонстрациях, организованных без соблюдения требований закона	5	1
Захват производственных территорий или помещений органов власти	4	1
CR	0,96	0,97

К теоретическому объяснению политического протеста

В течение трех последних десятилетий в западной социологии и политологии резко возрос интерес к неинституционализированной политике, вызванный как широким распространением в стабильных демократиях так называемых новых общественных движений, так и возросшим вниманием к перспективам политического развития модернизирующихся стран. Формирование новой области знания — исследований общественных движений и связанного с ними феномена протеста — сопровождалось бурными теоретическими дебатами, нашедшими отражение в ряде парадигматических сдвигов в объяснительных моделях [22].

До начала 1970-х гг. преобладали концепции несбалансированности общественной системы, разрушения традиционных социальных связей, относительной депривации, согласно которым быстрые, масштабные, неравномерные общественные изменения вызывают аномию, отчуждение, фрустрацию, недовольство, проявляющиеся в агрессивном поведении, в том числе и в политике. Такое поведение является скорее аффективным, чем рациональным. Социально-психологическая разновидность данного подхода, в наиболее разработанном виде представленная теорией относительной депривации [23–25], подразумевает, что механизмом, запускающим протест и насилие, является увеличение разрыва между быстрым ростом ожиданий, вызванных общественными изменениями, и возможностями их реального удовлетворения. Другая версия, заслуживающая упоминания, — концепция кризиса политического участия: социальная мобилизация, способствующая росту гражданской вовлеченности в политику, может вызывать разрушительные формы политического участия в том случае, когда рост политических требова-

ний опережает процессы институционализации политической системы [26, p. 39 — 59].

В 1970-е гг. на смену депривационным концепциям приходят американская теория мобилизации ресурсов, в которой основное внимание переносится на организационные аспекты общественных движений и рациональный выбор как основу мотивации участия, и европейская концепция «новых общественных движений» с акцентом на изучении макроструктурных и культурных изменений в развитии индустриального общества, а эти подходы в свою очередь сменяются в 1980-е гг. теориями политического процесса, в которых основными понятиями становятся «структура политических возможностей», «сектор общественных движений», «циклы протеста» [27].

Две взаимосвязанные ветви исследований — изучение общественных движений в западных демократиях и сравнительный анализ политического протеста и насилия — переживали сходную теоретическую эволюцию. В современных подходах признается [28–30], что:

- 1) конвенциональные и протестные формы участия в политике не исключают друг друга;
- 2) организация играет важную роль в процессах мобилизации участия и в тех, и в других формах;
- 3) мобилизация участия обусловлена не столько недовольством, сколько структурой политических возможностей;
- 4) политическое поведение скорее рационально, чем аффективно;
- 5) политическая культура и ценностные изменения, сопряженные с эволюцией индустриального общества, а не депривация, определяют политическое участие;
- 6) важнейшее значение имеют отношения между агентами политического процесса — государством, системой представительства интересов и общественными движениями, а также между группами и организациями как внутри каждого из этих агентов, так и в глобальном международном контексте.

Учитывая возможности опросной методологии, наиболее разработанным подходом, который позволяет проверить некоторые из основных концептуальных положений, рассмотренных выше, остается анализ политического участия в западных демократиях, изложенный в классической работе: Samuel H. Barnes, Max Kaase et al. «Political Action» (1979) [31]. В нашем исследовании концептуализация и операционализация основных переменных — личной и политической неудовлетворенности, отношения к политическим институтам и потенциала влияния человека на политику, культурного расслоения, а также конвенционального политического участия — строились в значительной степени в соответствии с идеями, изложенными в этой работе.

Теории относительной депривации, фрустрации-агрессии и политизации недовольства

Результаты нашего исследования показывают, что общественные преобразования последних лет привели к высокой неудовлетворенности жителей города своей жизнью, особенно ее материальными условиями. Большинство переживает относительную депривацию: жизнь в новых общественных условиях стала хуже, чем в

горбачевское время, в обществе, по мнению опрошенных, царит социальная несправедливость. Показатели относительной депривации тесно связаны с индексом фрустрации (измеренной с помощью Bradburn scale). Однако ни один из этих показателей, как и переменные, фиксирующие объективное экономическое положение, не коррелируют с потенциалом протеста. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что готовность к протесту не является прямой психологической реакцией на фрустрацию или экономическую депривацию, на ухудшение условий жизни в целом.

Депривация и политическая агрессивность могут быть связаны не непосредственно. Так, было установлено, что протест является следствием политизации недовольства [32] — относительная депривация вызывает недовольство властями и политическими институтами, а политическое отчуждение побуждает людей протестовать. Анализ отношения жителей Петербурга к политической системе и стоящих за ним факторов [14] выявил резко выраженное политическое недовольство, высказываемое преобладающей частью опрошенных. Люди не доверяют ни федеральным, ни городским властям, низко оценивают их административную компетенцию и считают, что политическая система осталась закрытой, не восприимчивой к интересам граждан — институты демократии не выполняют своего предназначения в качестве связующего механизма между обществом и государством.

Это недовольство действительно вызвано относительной депривацией, неудовлетворенностью жителей города изменениями в их жизни за время реформ, и особенно — несправедливой трактовкой их вклада в общество. Негативизм у многих из этих людей распространяется не только на политическое руководство и новые институты, но и переносится на демократический режим в целом. Если недовольство властями связано главным образом с их низкой эффективностью, с несбывшимися надеждами людей на лучшую жизнь, то на утрату легитимности режима сильное воздействие, наряду с депривацией и недоверием политическому руководству, оказывает культура. Те, кто выражает приверженность ценностям, на которых зиждилось советское общественное устройство, в демократию не верят.

В то же время установлено, что традиционно-советская культура претерпела изменения, обусловленные преобразованиями общественных структур в процессе индустриальной эволюции. Было зафиксировано отчетливо выраженное культурное расслоение: наряду с преобладающими ценностными представлениями, согласно которым «правильное» устройство общества должно соответствовать советской модели, заметное распространение получили ориентации, свидетельствующие о приверженности их носителей тому, что можно определить как «умеренный либерализм». Это расслоение отражает прежде всего различие культурных образцов, на которые склонны ориентироваться люди из разных поколений. Дифференциация позиций в социально-экономической структуре имеет важное, но все же второстепенное значение по сравнению с межпоколенческими различиями. Либеральные ценности разделяют представители младших поколений, а также образованного слоя и высокостатусных категорий. Именно они, причем в той мере, в какой ими принимаются принципы либерализма, составляют социальную базу легитимации демократического режима. Такие люди сохраняют веру в демократию и потенциал полити-

ческого влияния, хотя многие из них и не выражают лояльного отношения к властям.

Самое интересное состоит в том, что ни один из индексов политического недовольства с протестной готовностью не связан. Люди, не доверяющие властям, низко оценивающие их деятельность по решению ряда наиболее актуальных общественных проблем, считающие, что демократические институты *de facto* не выполняют своего предназначения, и потерявшие веру в демократию, выражают протестные намерения ничуть ни с большей вероятностью по сравнению с теми, кто склонен поддерживать новый режим.

Теории политической культуры и политического процесса

Результаты поиска факторов, непосредственно связанных с потенциалом протеста, т.е. повышающих вероятность обращения граждан к неинституционализированным средствам политического воздействия, представлены в табл. 3.

Нашли подтверждение факты, выявленные ранее в работах «политического» направления, обсуждавшиеся выше.

Влияние высокого уровня образования и интереса к политике, отражающие «когнитивную мобилизацию», и приверженности демократическим ценностям (шкала «постматериализма») подтверждают концепцию сдвигов в культуре и их воздействия на изменение политики в процессе эволюции индустриального общества [33]. О существенной роли политической культуры в мобилизации участия говорит также взаимосвязь между готовностью к протесту и потенциалом влияния человека на политику (политической компетенцией [34]), т.е. убеждением человека в том, что он способен воздействовать на процесс принятия политических решений (*internal political efficacy*). Выявленная взаимосвязь еще раз подтверждает закономерность, обнаруженную в западных демократиях [35].

В представленных результатах нашло подтверждение и одно из важных положений теории политического процесса о сопряженности конвенционального и протестного активизма [31, 36]. Так, анализ конвенционального политического участия, которое может осуществляться в достаточно регулярных формах (не включая электорального поведения), свидетельствует, во-первых, о том, что в Петербурге такая активность не выходит за рамки межличностной и массовой политической коммуникации, и, во-вторых, индекс конвенционального участия достаточно тесно коррелирует с показателем потенциала протеста. В пользу этой теории говорят и зависимости протестной готовности с переменными, фиксирующими отношение людей к политическим организациям. Потенциал протеста заметно выше у тех граждан, которые по крайней мере одобряют деятельность одной из «оппозиционных» или «демократических» партий, составляющих систему электорального представительства интересов, по отношению к тем, кто политикой не интересуется, а также к тем, кто не находит в этой системе организаций, способных представлять их интересы. Вопреки тезису о кризисе политического участия как отставании институционализации от политической мобилизации, что, как предполагалось, порождает протест, нами обнаружено скорее обратное. Становление гражданского общества, проявляющееся в формировании связей между людьми и политическими организациями, служит основанием для участия в политике, в том числе и неконвенциональной.

Таблица 3. Потенциал протеста: основные дифференцирующие факторы
(СПб., осень 1994, N = 581)

Факторы	Безусловная готовность к участию %				
	Ни одной акции	Только законные	Законные и незаконные	N	Тau-b
Социодемография, ценности					
<i>Образование</i>					17
Ниже среднего	78	22	0	80	
Среднее общее	65	30	5	168	
Среднее специальное	60	36	3	153	
Высшее (незаконченное)	50	41	9	166	
<i>Ценностные предпочтения*</i>					17
Материалистические	69	30	1	254	
Материалистические-смешанные	59	33	8	153	
Постматериалистические-смешанные	51	40	9	113	
Постматериалистические	45	48	7	30	
Политическая вовлеченность, возможности					
<i>Интерес к политике</i>					22
Совсем не интересуется	74	23	3	114	
Мало интересуется	73	24	3	169	
В определенной мере интересуется	50	44	6	230	
Очень интересуется	42	45	13	50	
<i>Конвенциональное политическое участие</i>					20
Не участвуют, смотрят новости по ТВ	77	21	2	138	
Обсуждение, полит. информация СМИ	60	36	4	289	
Убеждение др. (+ собрания, обращения)	49	42	9	139	
<i>Потенциал политического влияния**</i>					19
Очень низкий	75	22	3	203	
Низкий	53	43	4	238	
Средний (+ высокий)	52	36	12	105	
Отношение к политическим организациям					
<i>Предшествующий активизм</i>					17
Не участвовал в работе организаций	65	32	3	447	
Участвовал регулярно в прошлом	47	40	13	121	
<i>Отношение к политическим партиям, движениям</i>					17
Не одобряют ни одно объединение	68	28	4	320	
Одобрят (или поддерживают)	51	42	7	247	

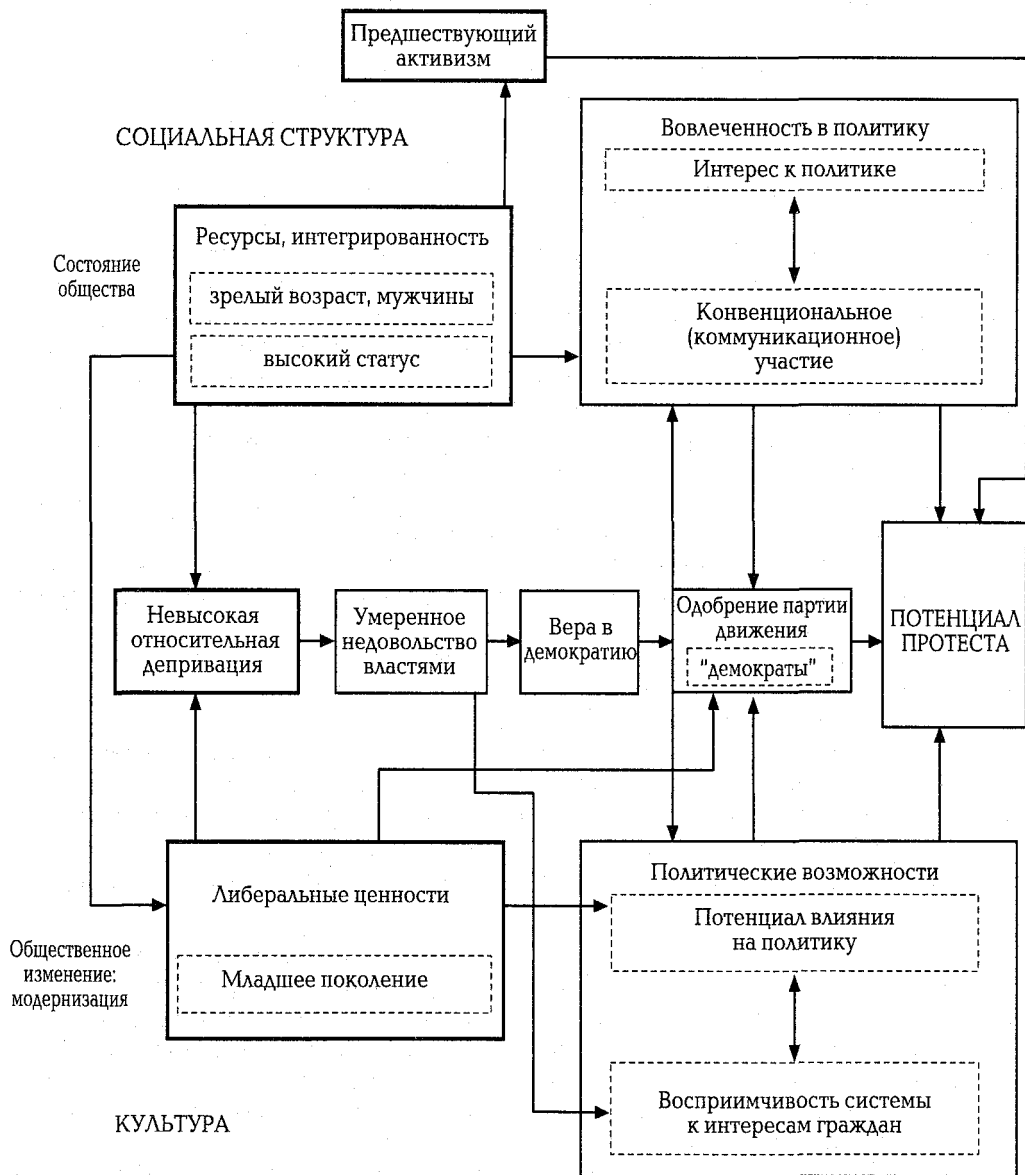
*Краткая шкала (четыре суждения) материализма/постматериализма R. Inglehart'a.

**Оценивался по согласию/несогласию с суждениями «Люди, подобные мне, не оказывают никакого влияния на решения, принимаемые властями» и «Политика и государственные дела иногда настолько сложны, что человек, подобный мне, просто не способен разобраться в происходящем».

Общая модель детерминации протестного активизма, построенная с учетом взаимосвязей между всем спектром упоминавшихся переменных и направлений влияния одних факторов на другие, которые были выделены в серии регрессионных решений, представлена на схеме.

Детерминация протестной готовности

(СПб., осень 94, N = 581, по результатам регрессионных решений)

Эта модель поддается интерпретации в рамках концепции политического процесса, дополненной положениями теории культурных сдвигов (сопряженных с процессами эволюции индустриального общества, с модернизацией).

Потенциал политического влияния: [укрупненные среднеарифметические оценки] [согласие/несогласие с суждениями, четырехбалльные шкалы] «Люди, подобные мне, не оказывают никакого влияния на решения, принимаемые властями» и «Политика и государственные дела иногда настолько сложны, что человек, подобный мне, просто не способен разобраться в происходящем».

Вовлеченность человека в политику (интерес к ней, а также участие в межличностной и массовой политической коммуникации) и восприятие им политических *возможностей* (признание, что действующие институты представительства интересов в какой-то мере выполняют свои функции, доводя до сведения принимающих политические решения требования «снизу», а также уверенность человека в собственных силах — убеждение в том, что он как политический субъект способен воздействовать на принятие этих решений) — определяют его отношение к партийной системе, к *добровольным политическим организациям* или общественным движениям, которые выступают посредником во взаимодействии между властями и гражданами (по крайней мере одобрение некоторых из них, если не реальную поддержку и не членство). Все три названных фактора — *вовлеченность, восприятие политических возможностей (потенциал влияния на политику) и отношение к партиям или движениям*, отражая особенности политического процесса, — существенны для понимания готовности к протесту.

К неинституционализированному политическому действию с большей вероятностью могут обратиться представители тех социальных кругов, которые:

- а) интересуются политикой, следят за ней по сообщениям СМИ и обсуждают события политической жизни с друзьями, знакомыми или коллегами;
- б) считают, что способны повлиять на происходящее в политической жизни;
- в) находят среди агентов политического процесса организации, способные выразить их интересы.

В свою очередь вовлеченность обусловлена структурными условиями — она выше у тех, кто имеет высокий социально-экономический статус и интегрирован в социум, а за признанием *возможности* политического влияния стоят прежде всего культурные факторы — приверженность либеральным ценностям, но также и депривационные детерминанты (не очень сильная относительная депривация) и связанная с ними политическая отчужденность (умеренно выраженное недоверие властям и неудовлетворенность их политикой в конкретных направлениях).

Протестное и конвенциональное действия: типология политического участия

Дальнейшее прояснение значения протестных ориентаций в общем политическом процессе, т.е. попытка ответить на принципиальный вопрос о том, угрожает ли протест стабилизации демократической системы правления, предполагает их соотнесение не только с регулярным конвенциональным активизмом, но и с основной формой демократического участия — электоральным поведением. С этой целью была построена типология политического поведения, в которой были учтены все три названных формы политического участия.

К одной из типологических категорий были отнесены жители Санкт-Петербурга, которые не принимают участия в электоральном процессе, совершенно не

интересуются политической жизнью, не уделяя внимания даже телевизионным новостям, и не склонные к выражению своего недовольства в протестной форме, пусть речь идет всего лишь о подписании петиции в адрес властей. Таких людей можно определить термином «политически пассивные». Следующая категория включает тех, кто также не участвует в голосовании и не проявляет ни малейшей готовности к оказанию коллективного давления на политическое руководство, но при этом следит, хотя бы в минимальной степени, за происходящими событиями и обсуждает их в узком кругу. Представителей этой категории можно назвать «наблюдатели». В рядах «конформистов» объединяются граждане, которые участвуют в политике только в конвенциональных формах. Они ходят голосовать, вовлечены в процессы массовой политической коммуникации и обсуждают происходящее дома, на работе, с друзьями. Но выражать свои требования властям и добиваться от них проведения политики, соответствующей их интересам, в какой-либо форме, предполагающей прямое политическое действие, они вовсе не расположены. К категории «политических активистов» будем причислять тех, кто пытается отстаивать свои интересы всеми доступными средствами, как в электоральной, так и в протестной форме, оставаясь в то же время в рамках закона. Наконец, к числу «протестующих» отнесем представителей достаточно информированных, вовлеченных в политику горожан, отличающихся тем, что для отстаивания своих требований они готовы обращаться только к средствам прямого политического давления, полагая институты представительной демократии неэффективными и участие в выборах бессмысленным. Конкретные характеристики перечисленных типологических категорий и распределение опрошенных по этим категориям приведены в табл. 4.

Таблица 4. Типология политического участия (СПб., осень 1994, N = 581)

Типологические категории	Формы участия	Средние значения	Доля, %	N
1. ПАССИВНЫЕ	Выборы в Гос. Думу (декабрь 93)* Конвенциональное участие** Потенциал протеста***	0 0 0	5	23
2. НАБЛЮДАТЕЛИ	Выборы в Гос. Думу (декабрь 93) Конвенциональное участие Потенциал протеста	0 3,12 0	20	105
3. КОНФОРМИСТЫ	Выборы в Гос. Думу (декабрь 93) Конвенциональное участие Потенциал протеста	1 3,38 0	35	182
4. АКТИВИСТЫ	Выборы в Гос. Думу (декабрь 93) Конвенциональное участие Потенциал протеста	1 3,89 2,38	28	147
5. ПРОТЕСТУЮЩИЕ	Выборы в Гос. Думу (декабрь 93) Конвенциональное участие Потенциал протеста	0 3,33 2,93	12	61
6. Нельзя классифицировать из-за отсутствия информации об участии				62

*0 — не участвовал, 1 — участвовал.

Оценивается по следующей шкале: **0 — не участвуют, 1 — смотрят ТВ новости, 2 — обсуждают политику со знакомыми, 3 — смотрят политические программы ТВ, 4 — читают политические материалы в газетах и журналах, 5 — убеждают знакомых принять их точку зрения по политическим вопросам или голосовать определенным образом, 6 — обращаются к политикам, в органы власти, 7 — посещают политические собрания, 8 — обращаются в редакции СМИ.

***Готовность принять участие «безусловно» (шкала Гуттмана, см. табл.2).

Согласно приведенным данным, полная политическая пассивность характерна лишь для очень узкого слоя жителей Санкт-Петербурга. Тем не менее, каждый пятый реального участия в политике не принимает — не голосует, но и протестовать тоже не собирается. Это — «наблюдатели». Они следят за политикой, представленной на телевизионных экранах, и обсуждают ее с друзьями, родственниками или знакомыми.

Наиболее многочисленна группа «политических конформистов», которые следуют правилам демократической игры, не доставляя беспокойства властям угрозой обращения к неконвенциональным средствам, хотя бы и признаваемым законом.

Протестные намерения выражают не только те, кто считает электоральную политику неэффективной. Доля «протестующих» в несколько раз меньше численности граждан, пытающихся добиться учета своих интересов как электоральными, так и — в случае необходимости — неинституционализированными средствами, отнесенных к категории «активисты».

Заключение

Результаты анализа протестной готовности и стоящих за ней факторов позволяют прийти к следующим трем важнейшим заключениям.

1. Потенциал массового политического протеста не выходит за рамки приемлемого при демократическом режиме. С наибольшей вероятностью политическое недовольство может проявиться в форме митингов, демонстраций и забастовок, организованных в соответствии с требованием закона, или в подписании петиций, обращений, направляемых в адрес властей.

2. Демократические убеждения и политический активизм выражают представители одних и тех же социальных слоев.

3. У преобладающего большинства тех, кто склонен к политическому протесту, электоральные и протестные формы участия дополняют друг друга.

Оценивая эти обобщения с точки зрения того, какова роль протеста в современной российской политике, можно утверждать, что по крайней мере на протяжении первой половины 1990-х гг. он содержал в себе заряд демократизации, сформировавшийся в период борьбы против коммунистического правления. Протестное действие не столько было связано с угрозой новому режиму, сколько способствовало разворачиванию демократического процесса. Это заключение отражает, по-видимому, специфическую ситуацию в Санкт-Петербурге и едва ли его можно распространить на большую часть российских регионов.

Литература

1. Huntington S. P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman; London, 1991.
2. Dahl R. A. *Democracy and Its Critics*. New Haven; London, 1989.
3. Lipset S. M. *The Social Requisites of Democracy Revisited: Presidential Address* // *American Sociological Rev.* 1994. Vol. 59. N 1. P. 1 — 22.
4. Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень*. 1997. № 3. С. 7—12.
5. McAllister I., White St. *Political Participation in Postcommunist Russia: Voting, Activism and the Potential for Mass Protest* // *Political Studies*. 1994. Vol. XLII. P. 593 — 615.
6. Кинсбургский А. Социальная напряженность и отношение россиян к массовым акциям протеста (1992–1993) // Матер. проекта «Социодинамика массовых действий» ИС РАН и Службы изучения общественного мнения *Vox Populi* проф. Б. Грушина. М., 1994.
7. Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. *Социодинамика массовых политических действий*. Москва, 1992 // *Массовое сознание и массовые действия* / Под ред. В. А. Ядова. М., 1994. С. 80 — 87.
8. Суханов О. В., Ватуля Т. Н. *Динамика массовой готовности к политическому протесту по данным опросов общественного мнения в Ленинграде-Петербурге (1990–1993 гг.)* // Матер, проекта «Протест в Ленинграде — Санкт-Петербурге: социологическое измерение». Рук. В. В. Костюшев. СПб., 1994.
9. Silver B. D. *Political belief of the Soviet citizen: sources of support* // *Politics, work and daily life in the USSR: a survey of former Soviet citizens* / Ed by J. R. Millar. Cambridge, 1987. P. 100—141.
10. Bahry D. *Society Transformed? Rethinking the Social Roots of Perestroika* // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. N 3. P. 512 — 554.
11. Hahn J. W. *Continuity and Change in Russian Political Culture* // *Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology* / Ed. by Fr. J. Fleron, E. P. Hoffmann. Boulder, CO, 1993. P. 299 — 330.
12. Gibson J. L., Duch R. M. *Emerging Democratic Values in Soviet Political Culture* // *Public Opinion and Regime Change: The New Politics of Post-Soviet Societies* / Ed. by A. M. Miller, W. M. Reisinger, V. L. Hesli. Boulder, CO, 1993. P. 69 — 94.
13. Reisinger W. M., Miller A. H., Hesli V. L., Maher K. H. *Political Values in Russia, Ukraine and Lithuania: Sources and Implications for Democracy* // *British Journal of Political Science*. 1994. 24 (April). P. 183 — 223.
14. Сафронов В.В. *Либерализм и демократия: социальные и культурные основания? // Культурные доминанты российского сознания: влияние на общественные преобразования* / Под ред. В. В. Сафронова, Б. М. Фирсова. СПб., 1998.
15. Bahry D. *Politics, generations and change in the USSR* // *Politics, work and daily life in the USSR: a survey of former Soviet citizens* / Ed. by J. R. Millar. Cambridge, 1987. P. 61 — 99.
16. Bahry D., Silver B. D. *Soviet Citizen Participation on the Eve of Democratization* // *American Political Science Rev.* 1990. Vol. 84. N 3.
17. Bahry D., Way L. *Citizen Activism in the Russian Transition* // *Post-Soviet Affairs*. 1994. Vol. 10. N 4. P. 330 — 36.
18. Gibson J. L., Duch R. M. *Postmaterialism and the Emerging Soviet Democracy* // *Political Research Quarterly*. 1994. Vol. 41. N 1. P. 5 — 39.

19. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 47 — 59.
20. Kaase M., Marsh A. Political Action: A Theoretical Perspective // S. H. Barnes et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Ch. 2. Beverly Hills, CA, 1979. P. 27 — 56.
21. Marsh A., Kaase M. Measuring Political Action // S. H. Barnes et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Ch. 3. Beverly Hills, CA, 1979. P. 57 — 96.
22. Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.
23. Davies J. C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Rev. 1962. Vol. 26. N 1. P. 5 — 19.
24. Gurr T. R. Why Men Rebel. Princeton, N.J., 1970.
25. Feierabend I. K., Feierabend R. L. Systemic conditions of political aggression: An application of frustration-aggression theory // Anger, Violence and Politics / I. K. Feierabend, R. L. Feierabend, T. R. Gurr. Englewood Cliffs, 1972. P. 136— 183.
26. Huntington S. P. Political order in Changing Societies. New Haven, 1968.
27. Tarrow S. National Politics and Collective Action: Recent Theory and Research in Western Europe and the United States // Annual Rev. of Sociology. 1988. Vol. 14. P. 421 — 440.
28. Jenkins J. C., Schock K. Global Structures and Political Processes in the Study of Domestic Political Conflict // Ibid. 1992. Vol. 18. P. 161 — 185.
29. Nelson J. M. Political Participation // Understanding Political Development / M. Weiner, S. P. Huntington (eds.). Boston: Little Brown, 1987. P. 103 — 159.
30. Jenkins J. C., Klandermans B. The Politics of Social Protest // The Politics of Social Protest: Comparative Perspectives on States and Social Movements / J. C. Jenkins, B. Klandermans. Minneapolis, 1995. P. 3 — 13.
31. Barnes S. H. et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills, CA, 1979.
32. Muller E. Aggressive political participation. Princeton, N.J., 1979.
33. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, N.J., 1990.
34. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Ch. VI. Newbury Park; London; New Delhi, 1989.
35. Farah B. G., Barnes S. H., Heunks F. Political Dissatisfaction // S. H. Barnes et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Ch. 14. Beverly Hills, CA, 1979. P. 409 — 447.
36. Snyder D., Tilly C. Hardship and collective violence in France, 1830—1960 // American Sociological Rev. 1972. Vol. 37. P. 520 — 532.